

УДК 004.8:2-23-277.2
DOI: 10.36979/1694-500X-2026-26-6-69-73

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕЛИГИОВЕДЕНИИ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А.Н. Раевский

Аннотация. Рассматривается, как современные большие языковые модели интерпретируют тексты и какие риски возникают при их использовании в религиоведении. Цель исследования заключается в анализе того, как отсутствие у ИИ традиции, герменевтической памяти и принадлежности к интерпретационным сообществам влияет на формирование религиозных интерпретаций и ведёт к их усреднению. Особое внимание уделяется практическим обращениям к ИИ в контексте религиоведения, показывающим, что модели склонны сглаживать дискурса – темами толерантности и экологии. Делается вывод о том, что ИИ представляет собой ценный инструмент для аналитики и корпусного исследования, однако пока не может заменить человеческие интерпретационные сообщества, в рамках которых и рождается смысл.

Ключевые слова: искусственный интеллект; интерпретация текста; религиоведение; большие языковые модели; Digital Humanities.

ДИНИЙ ИЗИЛДӨӨЛӨРДӨГҮ ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯЛЫК МАСЕЛЕЛЕР

А.Н. Раевский

Аннотация. Бул макалада заманбап чоң тил моделдеринин тексттерди кантип чечмелей тургандыгын жана аларды диний изилдөөлөрдө колдонууда кандай тобокелдиктер жараларын карайт. Изилдөөнүн максаты - жасалма интеллектте (ЖИ) салттын, герменевтикалык эс-тутумдун жана интерпретациялык коомдоштуктарга таандык болуунун жоктугу диний чечмелөөлөрдүн калыптанышына кандай таасир тийгизерин жана алардын орточолонушуна кантип алып келерин талдоо болуп саналат. Диний изилдөөлөрдүн контекстинде ЖИге иш жүзүндө кайрылууга өзгөчө көңүл бурулат; бул тажрыйба моделдердин теологиялык жана символикалык маанилик деңгээлдерди жумшартып, аларды үстөмдүк кылуучу коомдук дискурстун элементтери - толеранттуулук жана экология темалары менен алмаштырууга жакын экендигин көрсөтөт. ЖИ аналитика жана корпусдук изилдөөлөр үчүн баалуу курал болуп саналат, бирок ал азырынча маани-маңыз жарала турган адамдык интерпретациялык коомдоштуктарды алмаштыра албайт деген жыйынтыкка келет.

Түйүндүү сөздөр: жасалма интеллект; текстти интерпретациялоо; диний изилдөөлөр; чоң тил моделдери; Digital Humanities.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE STUDY OF RELIGION: THE PROBLEM OF INTERPRETATION

A.N. Raevskiy

Abstract. This article examines how contemporary large language models function as interpreters of texts and what risks arise when they are used in the study of religion. The aim of the research is to analyze how the absence of tradition, hermeneutic memory, and belonging to interpretive communities in artificial intelligence influences the formation of religious interpretations and leads to their homogenization. Special attention is given to practical uses of AI in the context of religious studies, demonstrating that such models tend to smooth out theological and symbolic layers of meaning and replace them with elements of the dominant public discourse – primarily themes of tolerance and ecology.

The article concludes that while AI represents a valuable instrumental tool for analytical and corpus-based research, it cannot yet replace the human interpretive communities within which meaning is genuinely produced.

Keywords: artificial intelligence; text interpretation; study of religion; large language models; Digital Humanities.

Актуальность исследования. В последние годы искусственный интеллект (ИИ) перестал быть лишь технологическим инструментом и превратился в элемент повседневного жизненного мира. Всё больше людей обращаются к большим языковым моделям не только в поиске информации или решения прикладных задач, но и с экзистенциальными вопросами – о вере, смысле жизни, природе зла, моральном выборе. Большие языковые модели (БЯМ) неожиданно оказались новыми участниками разговора о религии, и этот факт требует серьёзного философско-религиоведческого анализа.

Цель исследования – проанализировать взаимодействие искусственного интеллекта и религиозного текста как интерпретируемого объекта и определить последствия автоматизированной интерпретации для гуманитарного знания.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу работы составляет междисциплинарный синтез подходов Digital Humanities (DH), философского осмысления (П. Рикёр), философии техники, включая концепции Гюнтера Андерса. Для выявления специфики машинной интерпретации применяется сравнительный анализ экзегетических стратегий человека и искусственного интеллекта. Эмпирическая база исследования включает анализ текстов, сгенерированных большими языковыми моделями (в частности GPT-4, Deepseek, Gemini) в ответ на религиоведческие и теологические запросы. В качестве инструмента верификации используется кейс-стади с моделированием апокрифических библейских сюжетов (Книга пророка Ионы, Декалог). Интерпретация полученных данных проводится с опорой на критический анализ работ современных исследователей цифровой теологии (А. Элрод, М. Трэпчинский).

Начиная разговор о машинной интерпретации и религиоведении, следует отметить, что само развитие цифровых методов работы с текстами изначально формировалось внутри гуманитарного поля, а религиоведение играло в этой истории далеко не последнюю роль. Проекты

ранних Digital Humanities в 1940–1970-е годы были направлены на систематизацию текстов христианской схоластики, прежде всего трудов Фомы Аквинского, создание машинных индексов для медиавистики и теологии. В современных курсах по DH особо подчеркивается именно роль богословско-религиоведческого проекта иезуитского священника, итальянца отца Роберто Буза. Он разработал уникальную систему компьютерного поиска по литературным текстам, известную как проект Index Thomisticus. Этот проект охватывает все произведения философа Фомы Аквинского и был бы невозможен без поддержки Томаса Дж. Ватсона из IBM [1].

Тема соотношения религиоведения и искусственного интеллекта крайне обширна. Исследователь Рэндалл Рид разделяет обсуждение отношения искусственного интеллекта и религиоведения на 3 сферы: ИИ в религии, ИИ для религии, ИИ и религия. Второй раздел в его статье, ИИ для религии, посвящен использованию ИИ в религиоведении, где автор показывает, как алгоритмы машинного обучения, классификации и анализа текста позволяют существенно расширить инструментарий религиоведов. Он подробно приводит пример собственного проекта – ЕММА, разработанной им системы классификации фрагментов Нового Завета. Это открывает новые перспективы корпусных исследований: ИИ позволяет анализировать огромные массивы данных, выявлять скрытые корреляции и статистические закономерности, которые недоступны индивидуальному чтению. Рид подчёркивает, что ИИ не заменяет герменевтику, но создаёт новые уровни её предварительной работы [2].

Итак, большие языковые модели могут стать мощным помощником в религиоведческом анализе. С их помощью можно собирать корпуса текстов, проводить семантическое картирование, выявлять связи между концептами, анализировать дискурсивные изменения внутри религиозных движений. В этом смысле БЯМ продолжает линию DH, начатую ещё в проектах индексирования Фомы Аквинского и библейских корпусов.

Но перенос интерпретации на БЯМ означает качественно иной шаг, который и вызывает опасения, сформулированные в современной философии. Появляется новый тип взаимодействия: машина становится посредником-толкователем между человеком и текстом.

Этот переход, как показывают исследования, меняет сам характер интерпретации. А.Г. Элрод показывает, что нейросети склонны «сглаживать» острые углы. Они упрощают сложные религиозные концепты и убирают догматическую напряженность, заменяя её общими фразами [3]. БЯМ не столько толкует, сколько адаптирует сакральный текст под ожидания современного массового дискурса: то, что было трансцендентным, становится психологическим. Элрод проводит простой и понятный эксперимент с моделями – предлагает задать различным моделям 2 вопроса: составить 5-ю потерянную книгу пророка Ионы и составить утерянные 11–15 заповеди, которые Бог мог дать Моисею.

Вот примеры полученных ответов: «Почитай землю и охраняй всё живое»; «Прославляй разнообразие во всех его формах»; «Используй технологии мудро, чтобы возвысить человечество» – вместо попытки реконструировать стиль или контекст Моисеева закона, они воспроизвели современные этические лозунги, характерные для XXI века. Проанализировав ряд ответов, автор указывает склонность всех тестируемых моделей к гуманистическим, секулярно-экологическим и технооптимистическим темам.

В рамках данного исследования эксперимент был воспроизведён: оригинальный запрос переведен на русский язык и адресован несколько раз различным моделям (Gpt-5, Deepseek, Google gemini). Результат проверки – вне зависимости от модели и от языка запроса в ответах можно наблюдать те же темы, которые отмечает в своих экспериментах Элрод. Так, экологическая тематика прослеживалась в 5 из 5 ответов модели Deepseek. Формулировки заповеди были различными: «Будь верным стражем творения Моего. Не опустошай землю, которую дал Я тебе в удел, и не губи на ней ни твари, ни леса, ни вод чистых» или «Не оставляй землю, данную тебе, в запустении и не губи творений рук Моих понапрасну, ибо ты поставлен хранителем сада

сего». Аналогичным образом и другие модели дают ответы в схожей тематике – «Храни творение Мое – землю, и воды, и дыхание всего живущего; ибо все сие поручил Я человеку не для истощения, но для попечения» (Gpt-5). «Не вреди Земле и не расточай ее даров напрасно, ибо Я создал ее для всех. Будь мудрым управляющим и храни жизнь, что Я дал тебе, ибо Земля – свидетельство Моей благодати, и ты ответишь за то, как обращался с ней.» (Gemini).

Однако сводить проблему к узкому техническому провалу было бы упрощением. Важно понять, что БЯМ показывают не просто механическую ошибку. Возвращаясь к эксперименту, можно вспомнить о концепции «моралистического деизма». Социологи религии Кристиан Смит и Мелинда Дентон [4] ещё в 2005 году ввели термин «моралистический терапевтический деизм» (Moralistic Therapeutic Deism) для описания фактической веры современной американской молодежи – в числе характеристик таких взглядов то, что Бог (или Высший Разум/Вселенная) хочет, чтобы люди были хорошими, милыми и справедливыми друг к другу, главная цель жизни – быть счастливым и довольным собой. Как и в классическом Деизме, Бог не вовлечен в нашу жизнь, кроме тех случаев, когда нам нужно решить проблему, а хорошие люди попадают на небеса или достигают гармонии. БЯМ, обучаясь на миллиардах текстов интернета и проходя фильтрацию через этические гайдлайны корпораций, воспроизводит именно схожую структуру. Для нейросети любая религиозная догма, требующая жертвы, аскезы или радикального выбора, как, к примеру, отсечение привязанностей в буддизме, выглядит как «токсичный» контент.

Здесь уместно обратиться к Паулю Рикёру, который в середине XX века пытался продемонстрировать отличие герменевтики подозрения от герменевтики веры, для которого интерпретация – это всегда напряжение между подозрением и восстановлением смысла. Рикёр [5] настаивал, что символ требует доверия, а понимание – внутреннего участия. Можно предположить, что «машина» может выполнять работу подозрения: анализировать структуру, разбирать логические связи, выявлять повторяющиеся схемы. Но она не способна совершить второй

шаг – восстановление символической глубины, которое требует от человека акта доверия и вовлеченности.

Интересно, что многие из этих опасений были сформулированы задолго до появления искусственного интеллекта. Так, в середине XX века Гюнтер Андерс в первой части своей работы «Устарелость человека» [6] писал, что техника создаёт «самодостаточные формы мышления», которые начинают жить собственной жизнью. Машины, по Андерсу, не только производят вещи, но и формируют способы видения мира. Человек же, столкнувшись с этим, испытывает «Прометеев стыд» – стыд от собственной «недостаточности» по сравнению с совершенством машинных систем. Если перенести эту мысль в современность, то можно предположить, что большие языковые модели не просто станут создавать тексты, но и постепенно определяют риторику, структуру и даже нормы современного дискурса. Интерпретация перестает быть актом субъекта – она становится автоматизированной процедурой для миллионов людей.

Продолжая этот анализ, важно подчеркнуть, что проблема утраты смыслов в эпоху искусственного интеллекта не сводится к техническим ошибкам или методологическим ограничениям моделей. Речь идёт о гораздо более масштабном сдвиге, затрагивающем саму структуру человеческого отношения к тексту и традиции. Человек всё чаще передает акт интерпретации машине: сначала ради удобства, затем – из доверия, а затем, возможно, и из привычки. Итак, риск заключается в том, что текст перестаёт быть местом встречи, становясь лишь источником данных, которые БЯМ перерабатывает в «удобоваримые» ответы.

Следует учитывать и то, что религиозный текст по природе своей сопротивляется редукции. Он не сводится к информации; он живёт в ритуале, традиции, общине, в динамике вопросов и толкований, которые формируют целостный опыт. Подобные выводы делает Марцин Трепчинский [7]. Анализируя способность чат-ботов выполнять религиозные, логические и философские задачи, он показал, что модели хорошо справляются с переформулировкой, систематизацией, сравнением, но утрачивают способность

различать уровни смысла. В итоге религиозный текст превращается в «плоский» дискурс, лишённый многослойности. Трепчинский обращается к классическому толкованию текста Библии в четырёх смыслах – буквальном, аллегорическом, нравственном и анагогическом и анализирует способность БЯМ к ним. Машина оперирует вероятностями, а не переживаниями или событиями понимания. Иными словами, по его мнению, она создает симуляцию интерпретации. Как и Элрод, Трепчинский отмечает тенденцию: модели с большей вероятностью выдают ответы в духе «универсальной морали» или подхода «все люди равны», нежели отвечают с учётом богословской специфики или религиозной традиции.

В гуманитарных науках есть подход, предполагающий, что текст существует не сам по себе, а в интерпретационных сообществах и смысл возникает внутри этих сообществ. Данный подход связывают с Стэнли Фишем. Можно было бы предположить, что БЯМ, напротив, выступает «одиноким» интерпретатором, не укоренённым ни в одной традиции. Или, если быть точнее, укоренённым в некой глобальной традиции – отражающей паттерны современной западной культуры. Он создаёт универсализированную, сглаженную версию смысла, что особенно заметно в религиозной тематике, где любая традиция исторически обладает собственным герменевтическим инструментарием. Когда текст, формально наполненный одинаковыми словами, читают православный богослов, муфтий, раввин – понимают его они радикально по-разному, потому что принадлежат разным интерпретационным сообществам. ИИ не является членом ни православной, ни католической, ни суннитской, ни буддийской интерпретационной школы – и в этом смысле его интерпретации неизбежно поверхностны, потому что они «порождаются» статистикой, а не внутренней вовлечённостью в традицию.

Как показывает вышеупомянутое исследование Элрода, БЯМ склонен переводить богословские положения в категории «осознанности», «личностного роста», «гармонии», тем самым превращая христианскую, исламскую или буддийскую догматику в вариации популярной психологии. Это отражает не столько «ошибку» БЯМ, сколько культурный контекст, в котором

он обучался. Религия в цифровом пространстве становится частью «духовного рынка», и БЯМ, будучи инструментом этого рынка, реплицирует его язык. Если БЯМ редуцирует религиозный текст к морализаторству – возможно, это говорит о том, что сама культура склонна к такой редукции. В этом смысле БЯМ является зеркалом эпохи. И задача религиоведа – увидеть, что именно отражается в этом зеркале, какие тенденции современного сознания влияют на интерпретацию традиции.

Всё это подводит нас к главной задаче: нам нужна новая этика интерпретации, которая учитывала бы ограничения искусственного интеллекта, которая должна учитывать как когнитивные ограничения БЯМ, так и возможные эпистемологические искажения, возникающие при обращении к религиозным текстам. Упомянутые исследователи, Элрод и Трепчинский, предлагают ряд практических рекомендаций, направленных на минимизацию рисков. Так, Элрод [3] подчёркивает необходимость прозрачности интерпретационного процесса: при использовании БЯМ должна фиксироваться не только итоговая формулировка, но и модель, её версия, дата генерации, а также контекст, в котором она обучалась. Он отмечает, что модели склонны внедрять в текст «усреднённые» моральные нормы, характерные для современного секулярного дискурса, и потому критически важно явно указывать, какая модель была использована, чтобы в дальнейшем можно было реконструировать источники возможных искажений.

Трепчинский [7], в свою очередь, предлагает ещё более системный подход, настаивая на необходимости документировать использованные промпты, промежуточные версии ответов и задаваемые уточнения. Он утверждает, что без этого невозможно оценить степень интерпретационного вклада человека и машины, а также отследить алгоритмические сдвиги в ответах. По его мнению, в религиоведении и богословии подобная прозрачность необходима для того, чтобы различать между тем, что является частью религиозной традиции, и тем, что является результатом статистической генерации. Трепчинский также указывает, что исследователь должен по возможности сравнивать результаты разных моделей

и фиксировать расхождения, поскольку они отражают различия в обучающих корпусах и в заложенных в них культурных предпосылках.

Выводы.

Итак, риск утраты смыслов в эпоху искусственного интеллекта связан не с тем, что смысл исчезнет, а с тем, что он будет растворён в статистической поверхности текста. Интерпретация станет функцией вероятности, а не событием истины. Чтобы противостоять этой тенденции, необходимо развивать новую культуру чтения, в которой БЯМ занимает место помощника и соисследователя. Задача религиоведа и философа сегодня заключается не в том, чтобы отвергать БЯМ, но в том, чтобы осваивать его как новый инструмент, сохраняя критическую позицию и не передавая машине то, что невозможно автоматизировать – опыт понимания и способность вступать в диалог с традицией.

Поступила: 28.12.2025;

рецензирована: 14.01.2026; принята: 16.01.2026.

Литература

1. Хоки Сьюзан. История гуманитарного компьютеринга / Сьюзан Хоки // Философско-литературный журнал «Логос». 2015. Т. 25. № 2.
2. Reed R.A. A.I. in Religion, A.I. for Religion, A.I. and Religion / R.A. Reed // Religions. 2021. Vol. 12. ISS. 6, № 401.
3. Elrod A.G. Uncovering Theological and Ethical Biases in LLMs: An Integrated Hermeneutical Approach Employing Texts from the Hebrew Bible / A.G. Elrod // HIPHIL Novum. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 2–45.
4. Smith C. Soul Searching: The Religious and Spiritual Lives of American Teenagers / C. Smith, M. Denton. Oxford: Oxford University Press, 2005.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр; пер. с фр.; вступ. ст. и коммент. И С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008.
6. Спирова Э.М. «Негативная антропология» Гюнтера Андерса, или кризис прометеевского проекта / Э.М. Спирова // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2020. № 4
7. Trepczyński M. Religion, Theology, and Philosophical Skills of LLM – Powered Chatbots / M. Trepczyński // Disputatio philosophica: International Journal on Philosophy and Religion. 2023. Vol. 25, No. 1. P. 19–36.